

Карусели над городом

1

Где отыщешь той жизни аналог,
И в анналы какие внесешь
Тараканьи бега коммуналок,
Рванный рублик да ломаный грош?

Словно ангел, над городом детства
Самолетик бумажный кружит.
Небогато мы жили, но честно.
Дай-то Бог так сегодня пожить.

Единице всегда после точки
Полагалось четыре тире:
— Вот за пивом стоят возле бочки...
— Вот стучат в домино во дворе...

— Вот о прошлом судачат старухи...
— Светит солнце в оконный проем...
И одиннадцать лет до разрухи
У завода, что кормит район...

Назовут эти годы застоем,
Подведут под чужой монастырь.
Но до этого будет застроен
Наши игры выдавший пустырь,

Растворится в проспекте Победы,
Разрастется наш маленький мир...
Где же те карусели, и где ты,
Доброта коммунальных квартир?..

2

Муравьишек в траве деловая возня
И тропа, что сбегает к реке...

С колеса обозрения ангела снять —
Словно мяч закрутить по дуге,

По аллее бежать и кричать: «Кто кого!»,
На качелях взлетать до небес,
Печь картошку в золе, городской ПКО
Принимая за сказочный лес.

Это детство хранит в тополиной листве
К пустырю от ворот поворот.
Это лето, когда в олимпийской Москве
По Высоцкому плакал народ,

А мы песни его вдалеке от столиц
Переписывали по ночам.
И висел транспарант «Наша цель — коммунизм»
И, конечно, портрет Ильича.

Карусели над городом кружат страну,
У которой названия нет.
И мальчишки уже не играют в войну,
Потому что они — на войне.

С колеса обозрения к солнцу в зенит
Устремившись, ты слышишь, душа:
«Мама, мама, смотри — в небе ангел летит!» —
Крик восторженного малыша.

Часовой

Без объявления весны ворвался март,
Дворы капелью обстрелял с высоких крыш.
Сдались без боя и оттаяли дома,
Но не сдавался лишь снеговичок-малыш.

Метлу сжимая, как винтовку часовой,
В тени сарайчика на вверенный объект
Не допускал он посторонних нас с тобой,
Поскольку старшего по званию рядом нет.

Вражина март уже теснил по всем фронтам.
От снежной крепости остался белый флаг.
А снеговик стоял, поскольку слово дал.
На честном слове он держался — только так.

А старший — тот, который с ватной бородой, —
Летит в санях на севера в глубокий тыл.
Он про бойцов своих оставленных забыл...
Сметает гильзы дворник старенькой метлой.

Скрипач над Харьковом

Снова стали дни короткими, морозными,
Дышат паром на вокзале поезда.
Собирались посмотреть на паровозы мы,
Да уехали надолго, навсегда.

Укатало лето нас крутыми горками,
Принесла пургу сорока на хвосте.
Стынут новые скамейки в парке Горького —
В парке горького вина и новостей.

На Сумской скользит брусчатка под колесами,
На Бурсацком спуске снега — завались.
Собирались в Новый год войти тверезыми,
Только праздники опять не задались.

Дым сгоревшего отечества отхаркивать,
Может быть, придется много лет потом.
Но склонился в тишине скрипач над Харьковом.
Нам услышать бы, о чем играет он.

Духи города

Духи города, где вы, хранители старых подъездов?
Ключ под ковриком, ящик для писем, цветы во дворе...
Духи города, где вы, веселые ангелы детства?
С кем играть в новом веке родившейся здесь детворе?

Всюду офисы, двери железные, джипы у входа...
Где театрик-мансарда со сказкой, закутанной в плед?
Я хожу по осколкам старинного Нового года,
Я пытаюсь нащупать оставленный временем след.

Дома под снос

Дома без досок мемориальных,
Где из великих никто не жил,
Под снос уходят. В районах спальных
Пустеют быстро их этажи.

Еще немного — и беспощадно
Ударит молот стене под дых.
И, словно птицы, над стройплощадкой
Взовьются души их домовых.

Там, где недавно ступеньки пели,
Скрипели ставни, цвела сирень, —

Грохочет стройка. И в самом деле,
Кому он нужен — вчерашний день?..

Казалось, дому не будет сноса,
И я несносным бывал порой.
Теперь, как чайки, летим с откоса,
Оставив место под новострой.

Затихнут скрипы, растают тени,
Огни рекламы разрежут ночь.
Уложит скрипку сверчок столетний
И с Миллионки уедет прочь.

Так, постепенно, ни с кем не споря,
Меняет город свое лицо...
А неизменно одно лишь море.
В него уйдем мы, в конце концов.

Гостинка

*Как хорошо мы плохо жили...
Борис Рыжий*

Тюремный коридор малосемейки,
Седьмой этаж и нерабочий лифт.
Мы в этих стенах сотворить сумели
Веселый мир с окном не на залив,
А лишь на крыши, на кольцо трамвая.
Баляева, а дальше Луговая,
Ветра и чайки, чайки да ветра,
И разговор за чаем до утра.

Наш мир обогащался не деньгами,
А песенками, коим грош цена,
Весенним гололедом под ногами,
Стаканчиком дешевого вина,
Десятком верных зрителей в подвале,
Что гордо мы «аншлагом» называли,
Хватая жизнь буквально за обшлаг.
Нам дорог был наш маленький «аншлаг».

Итог закономерен и печален:
В руках журавль, синица в небесах,
Швартовный кнехт на островном причале
И первые снежинки в волосах.
Проигран мир, как старая пластинка.
Мы выключаем свет. Прощай, гостинка!
Пусть будет здесь уютнее другим.
Маршрутка ходит на Ородруин.

Обол

Без посошка и без котомки
Стою на пирсе босиком.
Харон в китайской плоскодонке
Дымит дешевым табаком.

Не видно берега в тумане.
На остров — или материк? —
Перевези за три юаня
Через пролив меня, старик.

Харон садится в позу лотос,
Ворчит: «Понятно и ежу,
Что здесь обол в ходу, оболтус.
Я за юани не вожу».

И с неприкрытою зевотой
Он добавляет в тишине:
«Иди оболлов заработай,
Тогда и явишься ко мне».

Я побреду по белу свету.
Куда ни плюнь — кругом Китай.
И где искать валюту эту,
Попробуй с ходу угадай.

Везде расчет не за оболочки —
Юани, доллары, рубли...
А возле пирса плещут волны
И лодка чахнет на мели.

На красных скалах

На красных скалах, брат мой «Пересвет»,
Мы посидим — две раненые птицы —
Там, где размыты времени границы:
Ни прошлого, ни будущего нет.

Там только море, небо и еще
В закатный цвет окрашенные камни.
И может быть, я поживу, пока мне
Ты подставляешь ржавое плечо.

Десятки ран в твоей стальной груди:
Ты был мишенью для морских орудий.
Тебя на отмель выбросили люди,
В тумане сбившись с верного пути.

Теперь мы оба, брат мой, на мели.
Наш порт приписки — адмиральский остров,
Где якоря крестами над погостом,
И траверсом над морем — край земли.

На красных скалах, брат мой «Пересвет»,
Вся наша жизнь — кочующее лето.
По золотым полянам первоцвета,
По радуге давно минувших лет

Я к силуэту твоему бегу.
Стать ветром и волной — судьба такая.
И может быть, ты поживешь, пока я
Еще пою на этом берегу.

За великой дугой

Ивану Антоновичу Ефремову

Там, где древние стены
Исчезают за миг,
На краю Ойкумены
Не кончается мир.

Из простого сюжета
Вырастает роман —
И корабль Баурджеда
Держит курс в океан.

Где огромные звезды
Выше всех пирамид,
А Земля — только остров,
Продолжается мир.

Где папирусный парус
Разрывают ветра,
Мореходу осталось
Верить в силу пера.

У творца под рукою
Только шорох страниц.
За Великой Дугою —
Ни царей, ни границ.

Как Вселенной ужиться
С теснотой квартир?
Книга в руки ложится —
И рождается мир.

Птица

Парящей над бездной, живущей у самого края,
Не спящей в ночи от внезапно возникшей тревоги
Господь зажигает свечу. И она, выгорая,
Сияет звездой путеводной тому, кто в дороге.

Тому, кто, как лист, оторвался от ветки однажды
И, ветром гонимый, летит над землею осенней,
Тому, кто, упав у ручья, умирает от жажды,
Небесной свечи маячок дарит веру в спасенье.

Несложно пройти по черте, нарисованной мелом.
Непросто понять за чертой, как мы все одиноки.
Летающая птица не властна над собственным телом,
Когда оперение рвут вихревые потоки.

И падает птица — но, кажется, будто взлетает, —
И пламя все ярче, и небо все ближе и ближе,
И тьма отступает, и над горизонтом светает,
И ветер, стихая, полынные волны колышет.

На ветру

Поднял ветер птичью стаю на крыло.
По-осеннему гудят колокола.
Вот и лето улетело-утекло.
Вот и жизнь моя была как не была.

Далеко за речкой плотники стучат.
Вот затихли на минуту — перекур.
Там весной сгорела церковь, как свеча,
Три столетья простояв на берегу...

Да и сам-то человеческий наш век
Разве долог? Даже сотня лет — пустяк,
Если кони взяли с юности разбег,
И поводья их до старости в натяг.

Я стою, поднявши ворот, на ветру.
Поле голое, как стол после гульбы.
Что мы делим, что мы делаем в миру,
Нитки-петельки на спицах у судьбы...

